

Виталий СВЯТЕЦ

Счастливый
билет

18+

Виталий Святец

Счастливым билет

<https://litres.ru/74176999>

SelfPub; 2026

Аннотация

Террористы нового поколения получили засекреченную разработку вооруженных сил России и избрали свои цели — они молниеносно наносят удары и растворяются в воздухе. Нападениям подвергаются передовые военные базы и объекты инфраструктуры по всему Земному шару.

Таня Синицына, талантливый ученый-физик, получает в автобусе счастливый билет и, сразу вслед за ним, плеяду несчастий. Ее ждет встреча с призраками прошлого и далеко не последняя роль в грядущих событиях. Скоро хореография войны и облик всего человечества изменятся навсегда.

Квантовая механика будет пересмотрена до самого основания.

Содержание

Счастливый билет	4
Акт первый. Перкуссия	7
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Счастливым билет

Счастливым билет

*Мы всегда думали, что
скорость света и ее друзья
правят безраздельно, отсюда
до квазаров, а может, и дальше.
Питер Уоттс, «Эхопраксия»*

*Главной характеристикой религии
под названием «наука» является то,
что она действует.
Айзек Азимов, «Основание»*

**Моим друзьям. Их следов здесь гораздо больше,
чем может показаться на первый взгляд.**

Лизе

«Счастливым билет» придумала ты, Лиз. Короткий и мягкий оригинальный рассказ, что вырос в эту книгу, целиком и полностью принадлежит твоему перу и, по-хорошему, твое имя должно стоять впереди моего. Жаль этого не случилось.

Рассказ, который ты принесла 15 ноября 2015 года, мне дико понравился. Помнишь, мы подискутировали на пред-

мет правильности некоторых формулировок, а потом я вдруг понял, что меня смущает: никак не наступало ощущение завершенности, чего-то этой короткометражке остро не хватало. Поворота сюжета в финале, наверное? А дальше все как-то само собой получилось.

И десять лет спустя я пишу это предисловие. Веселая штука — жизнь.

Помнишь, мы долго собирались с мыслями, делали наброски, строили планы, но так и не смогли написать эту историю вместе? Я, наконец, нашел к ней именно тот подход, который был мне близок, и история окончательно эволюционировала.

Я помню, Лиз, тебе в целом понравилась моя идея в отличие от всей кристальной научной фантастики и технопатриотического психоза, каким я, как мог щедро, насытил эту идею в процессе. Какой из этого можно сделать вывод? Ну-у. Фанаты Рэя Брэдбери, Урсулы Ле Гуин и Хаяо Миядзаки несовместимы с фанатами Ричарда Моргана, Уоррена Эллиса и Нила Бломкампа в вопросах совместного творчества. Так бывает.

А потом А что потом? Мир слетел с катушек и не все это восприняли так, как полагается. Мне через силу пришлось многое осознать о тех, кто был рядом всю мою сознательную жизнь. Было тяжело и очень страшно.

А потом еще раз. И еще.

После ссор с тобой было больно так, будто щемило серд-

це. И теперь это не твой и не наш «Счастливый билет». Это мой «Счастливый билет». Но только, что бы ни случилось, Лиз, ты — мой друг, и без тебя этой книги бы не было. Я бесконечно благодарен тебе за это.

15.11.2025

Читателю

Ну так вот, суть в чем: этот роман — финальный твист одного короткого рассказа. Сейчас вы собираетесь его прочесть. Ну, или талантливо делаете вид, что собираетесь.

Это странный мир. Пусть таким он и остается.

Акт первый. Перкуссия

21 мая, 2034 г. Москва, Национальный центр управления обороной Российской Федерации

Порядка в голове никогда не существовало. Полковник инженерных войск Сергей Коваленко осознает это уже после того, как поток докладов о текущем положении дел заставил его лезть в инструкцию и регламенты и поднять на уши кучу народу. Маховик из килотонны грессбухов с предписаниями порядка действий раскручивался медленно, но неудержимо, и норовил с грязным удовольствием проломить череп в самый неподходящий момент. Приходилось уворачиваться.

Министр обороны ждет доклад, и обосраться сейчас — сродни смертному приговору. Даже притом, что его люди совершили невозможное: разорвали в клочья завесу физического мира и, пусть пока что очень робко, все же шагнули в запределье.

Они были обречены на славу.

Технологическую победу не праздновали. Цена оказалась слишком высока: авария при первом запуске установки стоила двух дюжин жизней. Жизней хороших, честных людей, что согласились на безумство ради безумцев с горящими гла-

зами и ледяной головой. Их уже не вернешь.

Доказать, что мясорубка смерти прошла не напрасно, удалось спустя довольно короткий срок: лучшие инженеры и ученые со всей страны работали не покладая рук. Они вряд ли в ближайшей перспективе получат за это Нобеля, но их вклад не будет забыт. Их имена будут остеклованы из гранита квантового эмпиризма.

«Северное сияние» построено.

Еще немного, и оно сотворит небывалое — окончательно изменит ход истории. Раз и навсегда вырвет и сломает позвоночник всем, кто изучает географию методом отправки войск куда заблагорассудится.

Последние доклады получены.

Приказы отданы.

Коваленко стоит перед дверью и начинает терять самообладание.

Настал день, когда все они должны были воочию наблюдать «Северное сияние» в полевых условиях. «Енисей», фрегат типа «Буревестник-2», вышел в море, и команда на запуск поступила в назначенную минуту. Они были готовы ко всему, они тысячи раз тестировали стационарный макет, они производили запуск в сухом доке на этапе сборки. Они провели титаническую работу над ошибками, добились того, чтобы все работало безотказно, а экипаж при этом не чувствовал даже доли возмущения внутри поля.

Отработало в штатном режиме. Без нареканий. Три залпа

фейерверка.

И вот приехали.

— Связь с «Енисеем» полностью потеряна три часа назад, судно не отвечает ни по основным, ни по резервным каналам, спутниковый телефон командира корабля Лазарева молчит. Спустя, э-э, тридцать минут после потери связи я отдал приказ поднять в воздух самолет-разведчик и два СУ-57 сопровождения. Корабль в зоне видимости, дрейфует в сторону Швеции. Никого из матросов на палубе нет, как и визуальных сигналов тревоги. На инфракрасных снимках никакого тепловыделения. Данных о контакте с каким-либо противником до текущего момента не поступило.

— Иными словами, — министр обороны Павел Ершов поправляет мундир, — мы имеем фантастическое ничего. Предложения?

— В худшем случае, если это все же акт агрессии, я считаю, что необходимо потопить.

— Дороговато. А что это, по-вашему, если не акт агрессии?

— Могу очень оптимистично предположить, что в работе «Северного сияния» произошел какой-то сбой: электромагнитный импульс спровоцировал полное обесточивание, в том числе и реактора, в результате сработала дублирующая воздушная автоматика корабля. Все люки герметично запечатаны на несколько часов, а весь экипаж остался внутри, — Коваленко откашливается и добавляет: — Спецназ на под-

лете, будут высаживаться непосредственно на палубу.

— Черт знает что... Дальше.

— В момент запуска установки «Енисей» сопровождали «Североморск» и «Севастополь». Они подтвердили отсутствие «Енисея» визуально и пропадание с радаров, а после отключения — вновь наблюдали корабль. По завершении тестирования — продолжили выполнение возложенных на них в соответствии с приказами боевых задач, а «Енисей» продолжил поход по своему графику.

— То есть, все отработало штатно и никаких новых данных?

— Так точно. Никаких нареканий.

— О каком тогда сбое может идти речь?

На этот вопрос генерала у Коваленко нет ответа. Он едва заметно качает головой из стороны в сторону.

— Когда в последний раз запускали установку? — задает вопрос генерал.

— Вчера, в 19:43 по Москве.

— И спустя двенадцать часов связь с кораблем пропадает, — Ершов стучит пальцами по столу, будто отбивая ритм заевшей песни. — Та-ак. Абсолютно всех, кто причастен к проекту, незамедлительно — на объект «Вольфрам-16», забрать сотовые. Контрразведка каждого проверит на полиграфе несколько раз. Повторюсь, касается всех, в том числе тех, кто в отпусках.

— Но, товарищ генерал...

— В Вашем ведомстве утечка, Сергей Анатольевич, и...

— он прерывается: в кабинет стучат. — Войдите!

Дверь тихонько приоткрывается, ровно настолько, чтобы капитан Неделин смог просунуть внутрь голову.

— Товарищ генерал, товарищ полковник, спецназ готовится к высадке, идет трансляция.

Красноярск, Институт физики высоких энергий СО РАН им. С. В. Козловой

Следом за хлопком двери наступили хлопки иного сорта:

— Татьяна Васильевна, голубушка, я восхищен и удручен одновременно! — начальник прекращает короткие, но довольно искренние аплодисменты, разводит ладони в стороны и лишь после этого принимается собирать документы под мышку. Достает из принтера листы, от которых веет теплом свежей печати, и направляется к выходу. — Забрать у Вас красоту не в моих силах, но впредь я настоятельно прошу Вас к гардеробу в рабочее время относиться более, м-м сдержанно. Вы трудитесь в кабинете с двумя прекрасными джентльменами, но при виде Вас они начисто перестают быть учеными и становятся половозрелыми бабуинами, один другого краше.

Эффектная, точно яркое летнее солнышко, блондинка Синицына виновато сводит носки туфель вместе, ощущая себя точно как нерадивая школьница, опускает взгляд, не

удерживается и выдает легкий смешок.

— Но, — лепечет, — Андрей занят, а Лешка же...

— Ага-ага, а знаете, чем еще заняты люди? Статистику разводов считают. Обжечься много ума, знаете ли, ц-ц-ц-ц, не надо. А мне нужны не Ваши личные собаки Павлова, мне нужны научные сотрудники. Понятно излагаю? — седовласый мужчина легко улыбается и закрывает за собой дверь.

Но через секунду открывает:

— В июле поедете вместо меня на новый линейный ускоритель в Князево.

И снова исчезает.

Девушка лучится улыбкой и плюхается в свое кресло. В кабинете царит полумрак, умиротворение и пустые рабочие места: Андрей вернется с конференции только к вечеру, Лешка отпросился на пару утренних часов по личным делам, начальник только что отчалил к руководству. Поручений особой важности, требующих от Тани всего внимания и усердия, на горизонте не предвидится.

Она делает большущий глоток кофе, открывает ноутбук и позволяет себе уделить минутку любимой маленькой шалости: закидывает ноги на стол, наводит на них камеру смартфона так, чтобы было видно и блестящие черные туфли, и край клетчатой юбки, что застрял где-то на полпути между коленями и поясом, делает снимок. Еще с минуту она играет с фотофильтрами, а потом выкладывает изображение в социальную сеть, дополнив старомодным хэштегом: «однавка-

бинете».

Лишь закончив с этим, Таня решает воспользоваться спокойствием и дописать отчет о недавней командировке, где было пусть и интересно, но слишком малоинформативно.

— Очень удачно, — говорит она в тишину кабинета. — Нет, ну правда, как школьника отчитал... Школьника...

И вдруг сама себе же грустно усмехается, вспомнив грезы ночи:

— Как-то тупо полагаться на какую-то мистическую фортуна, планируя свой день. Как это вообще, по-вашему, должно выглядеть? «Сегодня мне попадется счастливый билет, я доеду без пробок, успею забежать в магазин и купить себе на обед, э-э, какое-нибудь, что там популярно, ризотто, да? А в первую половину дня начальства не будет на месте и я успею дописать отчет. На этом мой дневной лимит удачи будет исчерпан, и поэтому я не смогу встретиться с тобой после работы, извини»?

Егор громко смеется, прихлопывая ладонью по столу. Таня морщится — временами тот слишком резок. На остальных присутствующих, чьи лица скрыты какой-то бледной вуалью, речь парня, судя по размытым, но одобрительным кивкам, производит должное впечатление.

— Сказки все это про удачу, талисманы да счастливые билетки, — подытоживает Егор. — А вы, блин, думаете про них на серьезных щах.

— А как по мне, так то, что ты несешь, не стоит рассмат-

ривать всерьез, — пожимает плечами Таня. — Ты ведь, как ни крути, мертв.

— Это как так? — Егор мгновенно становится мрачен и бледен, как мел. — Что ты хочешь этим сказать?

На этом сон тает, но выглядел он на удивление, как говорят в таких случаях, «вещим». Пока все сходится: счастливый билетик из автобуса лежал в кармане легкого пальто, добралась до работы Таня без приключений, от институтского кафе за полкилометра пахнет свежей выпечкой с прованскими травами, а в радиусе нескольких кабинетов царит подходящее для написания проклятого отчета затишье.

Да и встреча вечером не состоится. Она никогда не состоится.

— Егор-Егор... Ты, Егор, мертв уже четыре года, — грустно бормочет Таня под нос, боясь, что ее услышат. — Тебе в принципе глобально не повезло, — она на секунду замирает и морщится от резкого запаха своих глупых мыслей. — Какая же брехня...

Девушка снова отвлекается, достает из кармана счастливый билетик, фотографирует и, практически на автомате, выкладывает его на своей страничке с подписью «Повезет?». Спустя несколько секунд, презрительно дернув носом, удаляет, едва успев отхватить пару лайков. Потом машинально находит в списке друзей Егора Азарова, который был в сети четыре года и сто двадцать девять дней назад.

И никто не додумался удалить страницу. Тане уже почти

не грустно.

Среди одноклассников да однокашников все еще гуляет слух, будто бы Егор работал на какое-то больно секретное правительственное ведомство, и ребята даже теперь изредка принимаются допытывать Таню в надежде вызнать подробности. В сердцах первых, вероятно, еще живет память о том, как в десятом классе они застукали ребят целующимися на пожарной лестнице в закрытом крыле школы. Вторые спрашивают робко, опасаясь сказать лишнее. Они помнят совсем других Егора и Таню.

И тот рок конца июня двадцать второго.

Сначала был салют и брызги шампанского: они отмечали свои дипломы, веселились и смеялись, даром что поводов для радости было немного — на другом краю страны шла война. Война против террористов, фашистов, шакалов и политических шлюх-дегенератов. Война, которую многие не понимали.

Они эту войну не понимали. Зияющая дыра в мозгу у тех, кто родился в двадцать первом веке или чуть раньше. Они не видели, как запрещенные кассетные бомбы доводят раскол Югославии до трагического финала. Они не могут помнить, как от взрывов рушились дома во Владикавказе. Они не знают, каким адом, точно звездное ядро, горело Панкисское ущелье. Они едва ли вспомнят слезы и трясущиеся руки родителей, неотрывно смотрящих по телевизору, как под градом перекрестного огня обрываются жизни заложников

в Беслане.

Грозный.

Карабах.

Афганистан.

Берлин, Прага, Будапешт.

Сталинград.

Бойня под Москвой.

Шаги назад в историю оставались для них без отклика. Никакого выжженного истступлением следа внутри. Для них не наступило понимание того, что в свои права вступил очередной виток истории, в начале которого русские спартанцы воздают врагу сполна. Загоняют тварь обратно в пропитанную смрадом нору, откуда она вылезла и откуда не посмеет показать носа еще какое-то время, пока снова не решит, будь то бы у нее есть силы и хватит духу на новую попытку.

Больше тысячи лет повторяется этот цикл, а результат его всегда таков, что слово «Победа» каждый раз пишут по-русски.

Но они были не в силах понять.

Никто, кроме него одного. И настал час, когда прикусывать язык ему стало невмогуту.

В глубоких сумерках приближающейся ночи Егор и Таня разругались окончательно. Пылали молнии, летели копья, противники обменивались сверхзвуковыми и доядерными стрелами. Казалось, горела сама земля, обращая годами накопленные любовь и дружбу в квантовый пепел. А когда,

спустя вечность нескольких секунд, дым рассеялся, внутри Егора и Тани что-то сломалось. Он ушел, ошпаренный пощечиной, не сказав ни слова на прощание. Она горько плакала, точно похоронила близкого человека, развеяв память о нем по ветру.

На другой день девушка, взятая под крыло научным руководителем, уже вышла на работу в свою родную альма-матер — институт физики высоких энергий. А Егор поступил, как считал должным. Он отправился в армию.

Лишь спустя почти два года гробового молчания они встретились в коридоре института.

— Девушка, добрый день, — сказал спокойный, размеренный голос. — Вы мне не подскажете, как на... Тань?

Он застыл лишь на мгновение. А ее необъяснимо швырнуло в озноб, потом в жар, она выронила из рук все, что несла, ноги подкосились почти сами собой, сердце бешено заколотилось. Таня смотрела навысокого подтянутого офицера с идеальной осанкой и широкими плечами и едва могла узнать в нем Егора Азарова. Того, что два года назад исчез из ее жизни в черной дыре. Того вечно взъерошенного болвана, что мог не стирать бесформенную серую кофту неделями. Того, с которым она ругалась до хрипоты и боли в сердце. А как же ему, чтоб его, шел китель...

Края рваной раны в сердце не исчезли совсем, но темп регенерации благодаря кое-каким химическим процессам вдруг становится... сносным.

Капитан Азаров аккуратным движением прикрыл выпавшую Танину челюсть.

— Тепло не трать, мелкая, — улыбнулся Егор, а в глубине его глаз что-то замерцало. — Т... Тебе очень идет белый халат.

— Аг-ха, — только и вымолвила Таня, шатаясь, выпучив глаза и судорожно стараясь понять, при чем тут халат и про какое тепло речь.

Встреча закончилась так же быстро, как и началась — на горизонте объявился искомый Егором сотрудник института, и они проследовали в кабинет в дальней части этажа. Капитан подмигнул Тане на прощание, а к девушке сразу подбежала стайка барышень из бухгалтерии и отдела кадров, требуя шкурных подробностей, кто этот симпатичный военный.

Время занимается тем, что умеет — лечит и учит.

От ссоры, что надолго разлучила их, в памяти осталось ничтожно мало. Сгорело в яркой вспышке эмоций и лишних слов. А вопрос, стоило ли оно той боли, что пришлось вынести им обоим, так и остался без ответа. Как и не сказанное вслух, не до конца осознанное Таней «Прости меня. Я ошибалась».

Она так ему и не скажет.

За следующие несколько лет им ни разу и не удастся остановиться даже на краткий миг и спокойно поговорить. Таня украдкой знает, что слухи о секрет-сервис, пусть лишь наполовину, правда. Вот уж кто действительно получил счастли-

вый билет в жизнь, думает она, слегка завидуя.

До тех пор, пока в дверь мамы Егора не стучат люди из военной полиции с металлическим ящиком двадцать на тридцать на пятьдесят сантиметров в руках. Весть о гибели состоит из смарт-часов, бумажника с кредиткой и какой-то мелочью, парадных погон, медали Героя России.

Похороны слишком символические: почетный караул, мама, друзья семьи, четверо офицеров-сослуживцев, Таня и несколько одноклассников, с кем тот поддерживал какое-то общение. Каждый кладет в ящик что-то от себя. Таня опускает в него конверт со школьной фотографией. Один из многих совместных снимков, что так и остаются там, куда обычно не дотянуться. Девушка бережно хранит фотографии, как часть мозаики далекого прошлого, без которой настоящее развалится. Рухнет, как башня, из основания которой достали кирпичик, что держал на себе весь монумент.

Правду о его смерти не рассказывают никому.

«Погиб при исполнении».

Три слова и две дюжины вещей — вот и все, что осталось от Егора Азарова. Таня так ему и не сказала, но, что же...

Егор остается в ее памяти всяким. И одноклассником, что вечно звал мелкой, но никому не давал в обиду и даже подарил ей ее первый поцелуй. И сокурсником, что, не смотря ни на что, поддерживал. И законченным придурком, который нес несусветную околесицу, лишь бы переспорить, и неважно, о чем шел разговор. И тем прекрасным офицером, что

заставил девушку дрожать от абсолютно неясного коктейля самых разных чувств. И ежегодным смешным сообщением с поздравлением с днем рождения.

Прошли годы, события, для кого-то даже целые жизни. А Таня опять смотрит на фото, что украшает страничку в социальной сети, и одновременно видит в ней всех ее Егоров. И эту их дебильную серую кофту.

Москва, Национальный центр управления обороной Российской Федерации

— Сергей Анатольевич, вот, — Валерий Неделин протягивает полковнику папку.

— Это что еще? — тот отрывается от экрана телефона, открывает документы, наспех проглядывает первую страницу и нервно возвращает все капитану. — Твою мать, Валера, выбрось эту срань куда-нибудь.

— Но, послушайте... Товарищ полковник, там, в сорок третьем и сорок четвертом, там ведь тоже были военные корабли...

— Были, — офицеры входят в оперативный центр. — Только ты не забывай, что в те годы у них не было адекватных ЭМ-генераторов, не говоря уж о вырабатываемой мощности. Тем двадцати бедолагам-буржуям тогда просто-напросто повезло. А про наших...

— Я это к тому, что, может, все дело в воде? Поглощение

электромагнитного излучения жидкостью зависит от ее состояния, разве не так?

Полковник глубоко вздыхает и понижает голос.

— Допускаю, что дело в воде. Разные виды излучения по-разному ведут себя в различных средах, в том числе многокомпонентных, да. А вот что я не допускаю, так то, что это могли не принять в расчет. Здесь все сплошь доктора наук, и все разом не могли так ошибиться. В этой физике высоких материй я порой половины слов не понимаю. Если уж действительно опростоволосились — нам всем головы снимут. На пики насадят и выставят всем на обозрение.

Картинка на огромном экране транслируется с борта транспортного вертолета, который висит над кораблем.

— Погода — прелесть. Группа готова к высадке, — звучит голос Командира по радио.

— Разрешаю, — министр Ершов кивает и складывает руки на груди. — Вперед.

Коваленко и Неделин делают полшага в сторону.

— Осмотреться! — приказывает командир спецназа. На экране перед ним маячит ствол автомата. — Гараж, Барс — на левый борт!

Некоторое время Сергей Коваленко молчит, слушая радиопереговоры. Видео идет с нескольких камер, которые несут с собой бойцы спецназа.

— Почему Вы ему не доверяете? — вдруг решает уточнить Неделин.

— Я сейчас вообще мало кому доверяю, — отвечает полковник. — Он прав, абсолютно прав, у нас утечка. Серьезная утечка, серьезнее некуда, я даже представить боюсь, что могло попасть в руки врага. И пока нас очень суровые ребята из контрразведки не взяли за яйца — а тогда никому мало не покажется — я хотел бы сам прижать эту сволочь.

Внезапно капитан все понимает.

— Так Вы подозреваете и министра?!

— Т-с-ш-ш! — Коваленко успевает поднести палец к губам, а после — указать им на экран. Сам он едва уловимо обводит глазами всех в помещении, в особенности — министра обороны Ершова. Тот душой и разумом — вместе с бойцами спецподразделения, там, на палубе «Енисея». И ничего кроме — не слышит.

«Пронесло».

— Ты еще в интернете об этом напиши, баран, — шипит он на Неделина. — Тише будь.

— Но как же так? — не унимается офицер. — Это же министр!

— И? — непонимающе переспрашивает полковник. Продолжать разговор не приходится — спецназ начинает вырезать один из люков. Командир группы велит всем надеть защитные маски.

— Командир, — обращается Коваленко, — вы наблюдаете какие-либо повреждения корпуса?

— Никак нет, товарищ полковник. Признаки того, что на

палубе вели бой — отсутствуют. Здесь как-то слишком тихо.
— И радиация ниже нормы, — отзывается сержант Барс.
— Как это? — спрашивает кто-то из офицеров за терминалами. По помещению шелестит шепот.

Министр поворачивается и вопросительно смотрит на Коваленко.

— Покажите, — приказывает полковник.

Офицер перекидывает через плечо автомат и подносит прибор к камере командира отряда. Редкий стрекот и низкие цифры рисуют совсем нетипичную картину судна, чье энергетическое сердце — новейшая атомная батарея.

— У... — тянет Неделин.

— На борту были ядерные ракеты? — спрашивает министр.

— В данный момент нет, но — Коваленко сглатывает ком в горле и пытается унять дрожь в руках. — На корабле был установлен ториевый реактор ВЕ-217, товарищ генерал, но радиационный фон он ниже не делает, поэтому... эм... Я понятия не... — он теряет нить, а Валерий Неделин и вовсе бледнеет.

Раздается звон металла — спецназ вскрыл люк, два бойца быстрыми и слаженными движениями оттаскивают тяжелую дверь в сторону, еще двое — направляют в проход оружие и фонари.

Тишина. Только морской ветер и бьющиеся о корпус волны.

Ни единого лишнего звука. Ни топота матросских сапог, ни гула машинного отделения.

Спецназ входит в коридор, камеры переключаются в режим ночного видения. Счетчик Гейгера по-прежнему не собирается подавать привычный треск.

— До границы территориальных вод недружественного государства около 160 морских миль, — рапортуют из спутниковой группы.

— А по времени? — уточняет министр.

— Орел, гости на горизонте есть? — Коваленко адресует вопрос экипажу самолета-разведчика.

— Видим три корабля НАТО в двух сотнях миль к северо-северо-западу от «Енисея». А они нас не видят. Но это временное преимущество.

— У вас — максимум час, Командир.

— Принято.

Несколько долгих минут спецназ обследует пустые помещения. Фонари встречают только лица бойцов отряда. Скрытые под противогазами, они только глазами выражают крайнюю озадаченность.

— Фига себе, — раздается голос Барса, того, что изредка — и совершенно безрезультатно — поглядывает на счетчик Гейгера. — «Мария Селеста» какая-то.

— Кто? — шепотом переспрашивает Неделин, но, встретив взгляд полковника Коваленко, не решается уточнять детали.

— Корабль такой, — отвечает лейтенант из числа сотрудников центра. — Найден пустым посреди моря. До сих пор непонятно, вымысел это или нет.

— Разговоры!

— Простите, товарищ генерал, — и офицер умолкает.

— Входим в оружейный, по правому борту, — сообщает командир спецназа. В кармане Коваленко вибрирует телефон, оповещая владельца о входящем сообщении. По установленному шаблону вибрации Сергей понимает, от кого это сообщение, и что информация в нем — крайней важности. Однако он прикидывает, что донесение вряд ли важнее происходящего здесь и сейчас, и к аппарату не притрагивается.

Через минуту на огромном экране центра управления предстает картина абсолютно пустого торпедного отсека. Ни одного снаряда, даже заряженного и готового к пуску.

Ни один мускул на лице Ершова не дрожит, но по залу прокатывается нервный ветер возгласов. Капитан Неделин трясется листом по осени, и Коваленко все больше усилий прикладывает к тому, чтобы не врезаться этой истеричке. «Спасибо, — думает он, — что трясется молча. И за каким чертом я, — вновь задается вопросом полковник, — держу его при себе? Он бюрократ, тупая бумажная крыса и ни черта не смыслит ни в науке, ни в войне. А еще капитан. Тьфу». Но, нехотя признает Коваленко, бюрократ из Неделина отличный: с поручениями справлялся — не подкопаться. Осо-

бенно с ненавистной бумажной свалкой.

Полковник украдкой смотрит на министра обороны: ничего хорошего ледяной оскал генерала Ершова не обещает. Все на корабле кричит матом, что ситуация — хуже некуда. Экипажа нет, снарядов нет, вражеские корабли в паре часов от свободно дрейфующего фрегата нового поколения. Куда еще-то хуже?

И вдруг раздается звук, будто кого-то вырвало.

— У сержанта Игорева подскочили пульс и давление, — сообщают с крыла медиков.

На экране появляется изображение с камеры бойца — тот выворачивает на пол собственные кишки.

— Гараж! — позывной бойца ревом вылетает из уст командира. — Какого хрена?!

— Контакт?! Подтвердите контакт!

— Отрицательно, — сержант Игорев едва прокашливается, и его снова рвет.

— Медик — немедленно к Гаражу! — звучит приказ.

— Я в порядке, Командир. КХА! — выкашливает слова Гараж. — В маску... блеванул... Контакта нет, повторяю, контакта с противником нет, КХАК! Я проверил — воздух чист, но... КХА! Взгляни-ка лучше сам.

Командир быстро обнаруживает Гаража и результат его работы. Боец, согнувшись пополам, опирается на стену. Большим пальцем он указывает на массивную металлическую дверь по левую руку, у себя за спиной. Командир тя-

нет ее на себя, и тут же резкий едкий запах врежется ему в нос, обойдя навороченные фильтры противогаса, будто их никогда не существовало. Офицер сам едва-едва сдерживает рвотный позыв.

— Прямо как...

— ...на скотобойне, Командир, — заканчивает за него Гараж. — Как на скотобойне.

Они направляют в помещение фонари.

Пол залит кровью, тоннами крови. Нет, даже не просто кровью. Субстанцией из перемолотых до однородности человеческих тел и органов. Везде беспорядочно торчат кости, с которых содрали кожу и мясо. Оторванные конечности болтаются и на потолке. Чья-то обглоданная рука качается, срывается и звонко плюхается в человеческое смузи.

Неделина и еще нескольких офицеров центра управления выворачивает. Из разных частей зала слышен сдавленный кашель.

— Продолжать работу, — приказывает Командир. — Топаз и Грек — давайте сюда, нужен еще свет.

Он оглядывается по сторонам и, не найдя ничего лучше, опускает в субстанцию ствол автомата. А потом наступает. Когда чувствует пол — нога скрыта до самой икры. И тут он замечает что-то черное, плавающее на расстоянии чуть больше метра. Гараж направляет фонарь, и их взору предстает форма. Командир снимает с плеча ремень автомата, берется за приклад, мушкой ствола дотягивается и подтаскивает ку-

сок ткани к себе. Он поднимает ее на стволе, разворачивает и находит искомое: вышитое желтыми нитками, впитавшими в себя кровь, имя: Лазарев Н. Л.

Неделин падает в обморок. Сергей Коваленко даже не думает ему помочь. Его мысли беспорядочно колотятся в голове, и все чаще — одна-единственная: «НЕУЖЕЛИ?!»

— Центр... Товарищ генерал, товарищ полковник, — рапортует Командир. — Я не до конца уверен, но думаю, что экипаж найден. Выживших нет.

Сколько прошло времени в молчании — никто не знает. Космическую тишину прерывает Барс:

— Командир, — говорит тот из динамика радиостанции, — я в машинном, и у меня плохие новости. Я теперь знаю, что у нас с радиацией.

Красноярск, Институт физики высоких энергий СО РАН им. С. В. Козловой

— Лешк, какие-нибудь хорошие новости найдутся? — Та-ня глухо захлопывает справочник по сверхпроводникам и потягивается в кресле. — Я все утро в отрыве от внешнего мира.

— Тебе не понравится, лапа, — говорит коллега. — В мире все как обычно. Глобальное потепление, звезды делают себе пластику, в правительстве опять балду пинают, война в Короче, ничего нового.

Девушка отворачивается, морщится и принимается тереть брови.

— Я же говорил, — бормочет Алексей.

— Вот что-нибудь бы без убийств, войн, катастроф, вот ну хоть что-нибудь

Некоторое время молодой человек тыкает пальцем в экран смартфона.

— Медвежонок родился...

— Ну вот!

— ...в зоопарке в Секторе Газа.

— Издеваешься? — слегка огрызается Таня.

— Хе, если бы...

В тишине кабинета весело пиликает смартфон девушки. Таня берет устройство, а через мгновение широко распахивает глаза, расплывается в улыбке и принимается отвечать на сообщение.

— У тебя на обед планы? — спрашивает коллега, видя засиявшие радостью глаза Тани.

— Пожалуй, да.

— Мне это не нравится, — ухмыляется он.

— Имею полное право, зайчик. Я вот новое платье купила, а ты даже не заметил!

— Все я заметил, — Алексей виновато отводит глаза, вспоминая, поставил ли он лайк утренней фотографии девушки в соцсети.

— А я не купила! — с усмешкой бросает Таня и прини-

мается проверять содержимое сумочки.

Алексей Щукин работает с Таней Синицыной в одном отделе уже несколько лет и считает, что совершенно точно знает, что нужно девушке. Он прямо-таки нутром чувствует — Тане нужно заклеить скотчем рот. Причем чаще всего — с утра.

Какое-то время назад, на дне рождения коллеги из соседнего отдела, Алексей неожиданно узнает, что он, Алексей, встречается с Таней. Причем уже почти год, и что он вот-вот должен сделать ей предложение. Сначала эту новость молодой человек воспринимает в штыки, а потом смеется до слез. Большой коллектив — большая сеть сплетен, по структуре напоминающая карту нескольких в хаотичном порядке скрещенных друг с другом метрополитенов мегаполисов: при всем желании не поймешь, что откуда появляется и когда все это закончится. И, пытаясь найти дорогу, ты можешь в любой момент фактически непредсказуемо оказаться в любой точке. Так устроены атомы: электроны на внешних орбитах в них находятся везде и одновременно нигде.

В конце концов разбираться Алексею надоедает, и их с Таней общение до сих пор проходит непринужденно, изредка бросаясь из рабочего диалога в легкий флирт с тяжелой артиллерией и обратно. Но отрицать, что его тянет к Тане, парень не мог тогда и не в состоянии сделать это сейчас. Он решает для себя, что раз сослуживцы про них столько судачат, обмануть их ожидания было бы... Скучно? Или невеж-

ливо?

Только вот он все никак не может набраться смелости и пригласить девушку на свидание. Ни к чему не обязывающий флирт с миловидной коллегой — это несерьезно, это все шутки. А начать строить отношения, которые, вероятно, в конечном итоге приведут их обоих в неизведанные земли брака, — это сильный шаг, и работать придется... как на работе.

Нужен жест. Знак того, что вот он я, Алексей, я все взвесил и решил, что нам пора попробовать следующий уровень.

Только ее речи... Алексей имел массу прикладных знаний и мог похвастаться широкой эрудицией, но никогда не понимал принцип работы Таниного женского супероружия, выставляющего его распоследним идиотом на ровном месте.

Нет, на самом-то деле легкие саркастические подколки Тани Синицыной были и остаются совсем беззлобными. Они скорее Алексей вообще не понимал, какую именно цель они преследуют. Но смех, как известно, спасет мир от психопатов, варваров и тиранов.

Он улыбается, Таня побеждает. И с легкостью летней бабочки выпархивает из кабинета, стуча каблуками по кафельному полу. Молодой человек снова остается наедине с несказанными словами и лежащими в ящике стола изящными позолоченными часами в красной бархатной упаковке. Алексей почему-то мысленно просит кого-то или что-то, чтобы девушка не потратила обеденный перерыв на свидание с дру-

гим: обзавестись соперником ему совсем не хочется.

Его пространные размышления резко прерывает телефонный звонок из Подмосковья.

Таня же ничего не знает ни о часах, ни о мыслях и намерениях коллеги, а к слухам относится схожим образом — принимает как данность. Сейчас они ее совсем не волнуют, в отличие от фотографии, которую прислала ей младшая сестра Маша. Которая тоже будет с заботой и любовью распечатана и сохранена. На снимке рука девушки, а на безымянном пальце красуется безупречное кольцо с бриллиантом.

Денис сделал ей предложение.

Москва, Национальный центр управления обороной Российской Федерации

Камеры Барса и Командира передают на экран картину того, что не так давно было машинным отделением фрегата. Центр видит зияющую пустоту, вырванные будто гигантскими руками куски металла, клубки торчащих из стен кабелей.

— Командир, — вступает министр, — есть шанс вернуть судно на курс домой?

— Никак нет, товарищ генерал. Насколько я могу понять — реактор отсутствует. Поэтому...

— В каком смысле отсутствует?! — рявкает полковник Коваленко.

— Установки «Северное сияние» на борту тоже нет, —

добавляет масла в огонь Барс.

— Да как такое вообще возможно?! — срывается на визг слегка оживший Неделин. — Мы же разобрали почти весь корабль, чтобы впихнуть туда новый реактор, генераторы и «Сияние», это невозможно!

В кармане Коваленко вновь дает о себе знать телефон. Полковник вновь его игнорирует.

— Не могу ничего комментировать, Центр. Я не спец в технике такого уровня, — резюмирует Командир.

— Насколько помню из брифинга, — снова вклинивается Барс, — это ваше «Северное сияние» внешне представляет собой несколько больших тороидальных конструкций. Ну, тут ничего подобного нет, — он обводит фонарем пустоту.

Теперь бледнеет и Коваленко.

— А что с черными ящиками? — решает уточнить генерал Ершов.

— Виноват, товарищ генерал. Сервер корабля не поврежден, — отвечает сержант.

— Слава богу, — выдыхает кто-то.

— Центр, говорит Орел, — рапортуют с борта самолета-разведчика. — Корабли НАТО взяли курс на сближение.

— Сворачиваемся! — приказывает Командир.

— СТОЯТЬ! — повышает голос Сергей Коваленко. — Черные ящики! — Так точно, — отзывается сержант Барс. — Забираем.

— Пилотов истребителей — на связь, — отдает приказ

министр.

— Командир звена, майор Симонов, — звучит из динамика спустя несколько секунд.

Услышав фамилию, Коваленко едва заметно вздрагивает.

— Говорит министр обороны Павел Ершов. Как только спецназ покинет судно, по кораблю — огонь термобарическими.

Пауза.

— Приказ ясен и принят к исполнению.— Свой же корабль — стонет Неделин.

— Заткни пасть, — чуть дрожащим голосом шипит полковник Коваленко. В его кармане в третий раз подает сигнал смартфон. На сей раз офицер достает аппарат, привычным жестом снимает блокировку и медленно сползает на пол. На экране сияют три сообщения:

«Токарев МЕРТВ».

«Легалович В КОМЕ».

«Шитов МЕРТВ».

И через секунду появляется четвертое:

«Максименко МЕРТВ».

Красноярск, Институт физики высоких энергий СО РАН им. С. В. Козловой, кафе

— Это как вообще называется? — Таня одаривает сестру почти сердитым взглядом, когда женские визги-писки,

устроенные девушками на все институтское кафе, изрядно утихают, и они располагаются за столиком.

— В каком смысле? — Маша строит удивительно честные и невинные глаза.

— Я-то думала, Дэн в торжественной обстановке попросит у меня твоей руки...

— Ха-а, ну да, ну да, чтобы ты ему ответила что-то в духе, — младшая сестра пару раз щелкает пальцами и строит на лице гримасу, — «Дэн, радость моя, скажи, ты из принципа игнорируешь здравый смысл, или у тебя к нему какая-то особая, личная неприязнь?», да?

— Ты ему так и сказала, правда?

— Разумеется, — смеется невеста.

— Ла-адно, — улыбается Таня. — Я буду пасту. Угощаю!

— Тогда мне — лазанью!

Таня идет к кассе, оформляет заказ и возвращается к Маше.

— И какие планы? — она подается вперед.

— Ну, как — какие? Спасти от твоего праведного гнева, — девушка делает паузу. — НА ГОА!

— Воу-воу, полегче! — старшая Синицына принимается картинно махать руками в сторону лица. — Меня уже в жар бросило! Гарсон, молю, принесите даме стакан воды!

Они снова заливаются звонким беззаботным смехом. А через пару минут девушки энергично принимаются за заказанные блюда.

— А поскольку, — едва дожевав, продолжает Маша, — самолет завтра утром, освобождайся пораньше, пойдем покупать купальники! Мои девчонки все заняты, а одной скучно!

Таня бросает сестре добрую и в меру ехидную улыбку:

— Когда он узнает, сколько ты тратишь на одежду — сразу же тебя и бросит, милая.

— О-о, поверь мне, эта статья расходов даже не на втором месте.

В этот момент дает о себе знать телефон Тани. Девушка глядит на экран и отбивает звонок.

— Меня нет, коллеги.

— Коллега? — уточняет младшая сестра. — Тот самый? С которым ты *тип*австречаешься?

— Аг-ха, — Таня отправляет в рот очередную вилку с пастой. — Небошь, ишнывает шгучей ревноштью, что не ошта-лась обедать ш ним.

— Ты говорила, он вроде ничего, нормальный?

— Ма-аш, — едва проглотив еду, отвечает Синицына-старшая, — это Дэн нормальный!

— А вот сейчас обидно было! Он вообще-то меня замуж позвал! Подчеркиваю — *МЕНЯ*!

— Пхех, да, прости, погорячилась, — Таня чуть виновато отводит взгляд куда-то вверх и снова ехидничает. — О нормальности тут речи нет.

Телефон вновь настойчиво вибрирует, и вновь палец де-

вушки опускается на значок «отбой».

— Слушай, Тань, — Маша откладывает столовые приборы. — Я же вижу твои глаза.

— Да я понимаю, — она вздыхает, а улыбка исчезает. — Но я не уверена. После всего, что было, я уже вообще ни в чем не уверена. Кто знает, может, мне и правда лучше одной?

— У мамы с папой таких иллюзий не было, и погляди, — Синицына-младшая откидывает прядь не так давно окрашенных обсидиановых волос и пару раз дергает плечами взад-вперед, — какие мы с тобой роскошные.

Таня снова отклоняет звонок.

— Егора не стало уже очень давно, Тань. А этот твой Дима — женат. И вообще на другом краю мира.

— Вот только не начинай, пожалуйста, про Диму опять! Это я его бросила, а не он меня.

— Я пытаюсь... — Маша останавливается и несколько секунд ищет нужные слова. — Ну, слушай, ты ведь сама говорила, что мы вроде как в ответе за этот мир, и мы должны его кому-то оставить...

— Да уж, конечно, в ответе... Только, ты знаешь, ни черта не отвечаем. Я спросила у Лешки, что там в мире происходит, он как раз читал новости. Так вот, там ничего нового и тем более хорошего. Мы засрали планету, мы воюем. Люди спятили в край. Большинство не может элементарно разобраться в себе — сплошь убийцы, психи, обиженные, обде-

ленные, а то и все сразу. Кому оставить мир? Детям? Приводить в *этот* мир детей сродни преступлению, тебе не кажется, а?

— ...оставить кому-то, кто может сделать его лучше, чем мы, — мягко говорит сестра.

— Ох... да. Или ответить за наши же грехи, раз мы не сумеем или не успеем, — Таня вздыхает, качая головой. — Все по кругу... Знаешь, я лично пропустила тот момент, когда на выпускном в школе раздавали счастливые билетки на завтрак с мужем, детьми, бутербродами с авокадо и прочей туфтой. А ты, кажется, нет. Это ж ведь ты мечтала выйти замуж и нарожать детей. Это ты, дорогая моя, хотела маленький домик, русскую печку там, и и так далее.

— И ребятишек в доме орава! — Маша хихикает и мечтательно глядит сестре в глаза.

— М-да. Так иди этой дорогой, — Таня чуть не умоляет. — Не нужно меня впутывать, прошу тебя. Мне, в конце концов, и тетей Таней будет неплохо.

— Ой, ладно, — отмахивается девушка. — Чего я лезу, ты большая девочка, справишься. Но, имей в виду, раз Лешка твой — нормальный, ему стоит дать шанс. С нормальными мужиками в наше время напряженка.

— Тут не поспорю, — Таня с легким раздражением смотрит на экран смартфона, где отображается очередной входящий вызов от Алексея. Она закатывает глаза и берет трубку. — Ну что за срочность? Я занята.

И роняет нож.

— Что?.. Наш Булычев? Как? — в одно мгновение на глаза предательски набегают слезы. — Когда?

Москва, Национальный центр управления обороной Российской Федерации

— Семен Артемьевич Булычев, 59 лет, основное место работы — Институт физики высоких энергий Сибирского отделения РАН, Красноярск, командирован в Дубну. Конфигурации электромагнитных полей. Тоже найден мертвым утром, причина — удар током. Полагаю, убийца рассчитывал, что мы должны поверить, будто он по неосторожности уронил в ванную фен, — Коваленко промокивает взмокший лоб рукавом кителя. — И десять минут назад передали, что Легалович — наш феномен по части суперструн — не выкарабкался. Боже...

— Булычев... — чеканит фамилию министр обороны. — Правильно ли я помню, это ведь после его работы «Сияние» сдвинулось с мертвой точки?

— Н-не совсем так. С квантовыми данными помогла справиться его подчиненная, на тот момент — младший научный сотрудник. Мы ее не завербовали: характер скорее пацифистский, для работы на оборонный сектор не подходит, — он протягивает министру папку. — Дважды приглашали, безуспешно. Но держим на виду.

Министр мельком листает короткое досье.

— Сверхпроводники, плазма, ядерный распад... Выступления в ведущих институтах мира. Молодая, красивая, кандидат наук. А еще говорят, будто таких не бывает, — он закрывает документ и небрежно возвращает его Коваленко.

Тот собирается сдвинуть папку в сторону, но цепляется глазами за массу слишком знакомых букв.

Проходит долгая секунда.

Из глубин памяти Сергея Коваленко поднимаются непрощенные гости — педантично стройные воспоминания о бывшем руководителе проекта: привычки, полный распорядок дня, даже место учебы и любимое пиво. Номер капсулы в криогенной тюрьме, где полковник смотрит ледяные сны ближайшую четверть века. Они шли вместе, рука об руку, до того дня, когда «Северное сияние» забрало жизни.

Полковник усмехается.

Министр вопросительно смотрит на него.

— Виноват, товарищ генерал. Нервное. Из последних сил держусь.

Некоторое время генерал Ершов молчит.

— Когда мыслишь холодной головой — многое смотрится иначе, — говорит наконец. — Сейчас я вижу просто серьезную проблему, которую надо поскорее решить.

— Проблему? ПРОБЛЕМУ?! — Сергей, не выдержав, повышает голос. — Экипаж «Енисея» — сто человек! А теперь еще Шитов, Легалович, Максименко, Листопадов, Токарев и

вот только что — Булычев! Все головы «Сияния» отсечены! Я вижу не проблему, я в ужасе, товарищ генерал!

— Ужас, — спокойно отвечает Ершов, — и все его оттенки будут тогда, когда за Вас вплотную возьмется контрразведка. Вы немедленно отправляетесь на «Вольфрам-16» до особого распоряжения.

Коваленко медленно встает и собирает все документы подмышку. — Разрешите идти?

— Разрешаю.

В дверях полковник останавливается:

— Товарищ генерал, если позволите. Я... Могу ли... — он осекается в немой попытке разобраться, настолько ли хорошая идея его посетила, чтобы открыть рот.

Павел Ершов терпеливо ждет.

— Я лишился своих лучших людей, и... Я хочу ходатайствовать о пересмотре приговора полковнику... Эм...

— Позвольте внести ясность, Сергей Анатольевич, — министр поднимает руку, призывая к молчанию. — Быть может, сейчас Вас объективно нечем заменить, но Вас первого допросят с пристрастием. А когда все это закончится — будет военный трибунал. Это ясно?

Полковник Коваленко коротко кивает:

— Так точно.

— Президент сейчас выступает с речью на саммите в Индии, поэтому я доложу ему несколько позже. То, что пришлось сделать с кораблем — произошло в нейтральных во-

дах вблизи вражеской границы, и это будут преподносить как открытую провокацию. Дерьма на нас выльется — хоть ложкой ешь, но по факту — это ерунда. В отличие от дыры в Вашем ведомстве, дыры размером с... не знаю, с Луну. О существовании проекта «Северное сияние» знает крайне узкий круг лиц, а еще меньше сейчас живы. Допрос будет недолгим. Что до Вашего предшественника... Насколько я понимаю, выбор у нас небогатый. А теперь исчезните с глаз моих.

Красноярск, Институт физики высоких энергий СО РАН им. С. В. Козловой, кафе

— Добрый был дядька, отзывчивый. Часто шутил, всегда печеньем угощал, — Таня справилась со слезами, но смотрит все равно будто мимо всего. Куда-то далеко, в пустоту, не в состоянии поймать фокус на Маше. — И работалось с ним легко, без какого-то напряжения. Потом, правда, уехал в Подмосковьё, и с концами.

Она шарит рукой в сумочке, находит блистер с успокоительными таблетками, которые хранит там на всякий случай, и выпивает одну.

Маша перестает ковырять десерт и берет сестру за руку. Таня кладет свою сверху.

— А ведь мне счастливый билет попался в автобусе, тьфу ты — бросает она в сторону.

— О, так вот в этом и проблема, — почти облегченно от-

вечает Маша. — Не люблю счастливые билеты.

— Почему это? — девушка непонимающе смотрит на сестру. — Чем тебе бумажка с цифрами не угодила?

— Несчастье приносит. Результат — налицо.

— Эм. Ну, слушай, погоди. Счастливые билеты потому и называются счастливыми, что вроде как приносят удачу.

— Они так называются потому, что расходуют весь твой лимит удачи на день минимум.

— М, — качает головой Таня. Слова сестры принялись будить в ее голове ощущение дежавю.

— Не веришь? — Маша крепко хватая возможность увести разговор в иное русло. — Гляди. В течение дня у тебя есть некоторый запас везения. Не знаю, насколько он велик и обязательно ли расходовать его весь полностью или можно копить несколько дней, не суть. И этим запасом везения мы, с некоторой долей вероятности, можем распоряжаться самостоятельно — надо только приловчиться. И все же частенько бывает так, что этот запас тратится сам по себе. Произвольно. Ну, скажем, «зеленая волна» на светофорах, хотя ты и не подгадывала время, или пустой автобус за пять минут до начала часа пик. Или счастливые билеты, в конце концов.

— По-о-неслась. Скажи, где ты, блин, понабралась этой эзотерической туфты? — только и может удивиться Таня, не в силах понять, когда и каким образом в голове далеко неглупого инженера-программиста оказалась подобная белиберда и почему она там так плотно засела.

— Пф-ф, — Маша на секунду хмурится и загибает пальцы. — Ну, вот тебе математика: статистически, каждый восемнадцатый билет — счастливый. На самом же деле разброс этих билетов по длинной ленте у кондуктора неравномерный, поэтому получить заветный счастливый билетик не так-то просто. А представь, какова вероятность, что человек, пользующийся проездной картой или банковской, обнаружит, что баланс на нуле, и, расплатившись мелочью, получит именно счастливый билет?

Таня, стараясь не задеть остатки макияжа, протирает уголки глаз кончиком салфетки, потом тяжело вздыхает и прикидывает:

— Крайне мала, можно пренебречь. И что?

— Во-от, значит, получение счастливого билета требует чего? Правильно! Удачи. И я считаю, что этот маленький пакостник, в общем-то, сжирает все то везение, что отпущено тебе в течение дня. Поэтому, собственно, я не люблю счастливые билетки — я бы свою удачу могла и на лучшие вещи потратить.

— Тебе сделал предложение твой любимый человек, милая моя. Твой лимит удачи исчерпан на месяц вперед. А то и на два.

Будущая невеста раскрывает рот, намереваясь возразить, но замирает, запнувшись о собственную логику.

— Видишь? Вот что выходит, когда начинаешь в абсолютно серьезном тоне рассуждать о глупости. «В течение дня у

тебя есть четко определенный запас везения» — кошмар какой! Если бы наша жизнь зависела от, прости, отпущенной на день удачи, то это значило бы, что при исчерпании... Чего там, лимита? Нужно срочно — но осторожно — бежать домой, под одеяло, и не вылезать до утра, потому что все! Дальше одни неприятности! И куда чаще мелькали бы новости о нелепых происшествиях, несчастных случаях и даже смертях, случившихся с теми, кому «повезло» потратить весь свой запас везения на какие-нибудь глупости. Хотя... — Таня вспоминает недавний разговор с Алексеем о новостях. — Куда уж чаще...

Синицына-старшая глядит на сестру: у той в глазах скоростными поездами сменяются мысли.

— Эти твои дискретные пучки удачи, выходит, пока что спасают человечество от неизбежного коллапса, не меньше.

Маша тщетно пытается придумать ответ.

— Так и быть, уела, — говорит девушка наконец.

— А все почему? Наука никогда не объяснит чушь. Нельзя подстраивать факты под теорию, нужно строить теории на основе фактов. Бумажка из автобуса здесь, в Красноярске, никак не связана с ученым в Подмоскowie. Он же не мог умереть потому, что *мой*личный лимит удачи кончился, а?

— Предрассудки противоречат разуму, — сестра склоняет голову набок. — Папа так говорил, наш любимый фильм цитировал...

— Угу. И не верил он ни в шансы, ни в ту же удачу. И...

Вдруг, сама того не ожидая, Таня наяву видит перед глазами Егора, болтающего о везении. Дежавю таранит голову так, что едва не слетает операционная система.

Девушка с силой трет виски.

— Что вообще за день такой? Сон мне дурацкий фактически про эти твои пучки удачи приснился, ты вот еще...

— Какой такой сон?

Собравшись с мыслями, Таня медленно рассказывает.

Маша понимает.

— Ты по-прежнему его любишь.

Старшая сестра отмахивается:

— Только это все еще никак не связано ни с какими счастливыми билетиками, колесами фортуны, как ее там, и смертью Булычева. В соцсетях модно говорить «игры подсознания», да. И не более того.

— Солнце, — Маша мягко сжимает Танину руку, — пора отпустить.

Таня несколько раз кивает в знак согласия, но без уверенности.

— Я отпущу. Сразу после того, как ты перестанешь верить во всякую... брехню.

Маша кладет на стол маленький бумажный прямоугольник. Приглядевшись, Таня сравнивает суммы первых трех и последних трех цифр.

— Считай, — Маша встает, целует ее в макушку и обнимает, — уже перестала.

Объект «Вольфрам-16», координаты засекречены

— И вы полагаете, — неуверенно начинает полковник Коваленко, вставая с неудобного кресла и указывая на орудие пыток, притворяющееся полиграфом, — что этот ворох проводов и датчиков можно обмануть?

— Можно, — отвечает инженер, настраивавший аппарат, — но надо быть кем-то, кто абсолютно контролирует свое тело: эмоции, мимику, мышцы и даже химию организма. Встречал одного такого пару лет назад, дивный парень попался. Утверждал, будто он президент планеты.

— И и что, не соврал?

— Интересно, правда? — улыбнулся специалист.

Полковник не успевает отцепить от себя последний датчик: в кабинет врываются командир отряда спецназа и офицер под позывным Барс. Последний направляет ствол автомата в лоб Коваленко.

Наступает гробовое молчание.

— Ну, — обращается будто бы в воздух Командир, скрестив руки на груди, — и что там эта железка скажет? Сергей не шевелится. — Эм — неуверенно тянет инженер. — Чего застыл? — уточняет Барс, не двигаясь. — К тебе обращаются. Что скажет железка?

— Да э-э... ничего. Товарищ полковник не соврал в ответе

ни на один вопрос, — мямлит он.

— И все? — едва сдерживаясь давит Командир.

— Д-да, это все. Сказал бы больше, но я, простите, не могу.

Обстановка, без того напряженная, раскаляется до предела.

— Объясните, мать вашу, нормально, — требует офицер. И, поняв, что спец мешкает, рычит: — НЕМЕДЛЕННО!

Инженер отшатывается и поправляет очки.

— Эй, да хорош! Говорю же, мне нечего! Вот распечатка, всплесков фактически нет! Обычно я, правда, работаю не так, обычно вопросы формируются в зависимости от того, что испытуемый совершил, но мне список вопросов дали готовый, и я в нем не понимаю ни смысла некоторых слов, ни воо...

— Во-от, значит, как, — скалится Командир. — Вопросы, значит, готовые. А что у нас еще готового? Госизмена? Или пока в процессе?

Полковник Коваленко старается дышать медленнее, но сердце отчаянно колотится. На его запястьях, за спиной, со скрежетом щелкают наручники. Его рывком вытаскивают из помещения и ведут по коридорам базы, как преступника, и он никак не может отделаться от навязчивой мысли, что он это заслужил. Попытки держать лицо проваливаются одна за другой.

Вскоре он оказывается в кабинете для допросов. Позади

него, перегородив собой дверь, спецназовцы, которых он отправил на «Енисей» и с которыми собирался поговорить в обстановке куда менее нервной, а спереди, через стол, человек в полевой камуфляжной форме. Лица не разглядеть из-за удачной конфигурации ламп. На стене, по правую руку от Коваленко, висит экран.

Полковник молчит, не решаясь нарушить тишину и стараясь сохранить хоть какое-то самообладание. Выходит скверно, но как-то выходит. Психологическое давление со всех сторон явно не стремится пропитать Сергея магией дружбы, и унять бардак в голове от десятибалльной тряски тоже получается примерно никак.

— Черные ящики с «Енисея» расшифровали, — говорит скрытый собеседник. — Записи бортовых камер наблюдения в целости. Их проверили на скорую руку, только спецы попросили дать им еще время. Говорят, ерунда какая-то: посмотрели и не могут поверить, что первичный анализ файлов не выявил следов перезаписи или дефрагментации. Не обнаружено монтажа или какого-либо другого вмешательства извне. Ни одного лишнего, неуместного пикселя. Вы понимаете, что это значит?

— Что записи подлинные, не поддельные, — выдавливает Сергей.

— Верно. Но, в таком случае, потрудитесь объяснить, почему все это похоже на лучший боевик от Тарантино?

Сергей хмурится и не успевает задать уточняющий вопрос

— собеседник делает неуловимое движение рукой, и экран оживает. Зрелище и правда походит на мясорубку. Противники, облаченные в черные облегающие костюмы, вроде как дайверские, появляются из вспышки света посреди пустого коридора, почти беззвучно убирают матросов и исчезают в такой же вспышке. Десятки человек одновременно шагают сквозь пространство, растворяясь в одном месте и появляясь в другом, и делают это с легкостью бабочки, положив на законы физики огромных размеров болт. Никто на корабле не успел поднять тревогу.

А потом стало слишком поздно.

На половине экрана осталась камера одного из отсеков, в геометрическом центре которого, на высоте метра, то появляется, то исчезает оранжевое — это теперь видно четко — кольцо света. Дыра в пространстве, из которой вываливается фарш. Чаще всего фарш. Иногда это тела матросов, и они взрываются, едва коснувшись пола. Другие камеры показывают, что эти тела со всего корабля собирают те, кто совершил нападение. А потом они просто сбрасывают матросов в портал, возникающий из ниоткуда, и тела, пройдя сквозь него, превращаются в кровавый мясной коктейль.

Постепенно коктейль заполняет весь пол. В таком виде экипаж и обнаружили Командир и Гараж.

— Вы не удивлены, — констатирует фигура.

Нет, Сергей Коваленко не удивлен. Он напуган, и его мышцы трясет почти до колик.

— Это интересно, — будто бы усмехается его собеседник.
— Что-то такое произошло при тестировании первого образца «Северного сияния», я прав?

— Не совсем, — полковник осторожно кивает. — Н-не совсем так, но...

— Однако же, Сергей Анатольевич, в дополнение к этому, из Вашего доклада двухгодичной давности следует, что телепортация живых организмов невозможна вследствие невероятного жесткого и неравномерно интенсивного электромагнитного поля, а также иных вредно ионизирующих всплесков неизвестной природы. Это так?

— Так, — соглашается он.

— Задействованные в проекте ученые были того же мнения?

Полковник снова кивает, но на сей раз поднять голову сил не остается.

— Мы пытались. Безуспешно.

Катастрофа случилась, и масштабы ее не вообразить. В руках неизвестного врага теперь есть сила, равных которой не было и нет. Телепортация доведена до действующей технологии с рабочими прототипами. Кто-то сделал то, что лучшие умы Российской Федерации не смогли закончить, имея неограниченные ресурсы. И использует как машину войны. Это бесит и пугает до усрачки.

— То есть Вы не можете объяснить, почему эти ребята в черном живы? — снова звучит голос.

Коваленко не может. На протяжении всей записи дайверские костюмы не постигает зверская участь экипажа «Енисея». Они входят в порталы и спокойно из них выходят. Черные костюмы каким-то образом защищают нападавших от губительного воздействия комбинации электромагнитных полей чудовищной силы и бог знает еще чего. Незащищенных оно перемалывает и разрывает на части.

Командир, что стоял за спиной Сергея, срывается с места, молниеносным движением вдавливая пистолет в затылок полковника.

— Майор, отставить, — повышает тон ведущий допрос.

— Сто человек, — выдавливает Барс, полностью согласный с действиями Командира.

— Это не просьба, это приказ, мать вашу!

— Вы не слышали?! Сто смертей, и все на совести этой твари! — раскатом грома прокатывается по допросной голос Командира.

— Я СКАЗАЛ «ОТСТАВИТЬ»! Повторю в третий раз, и вы оба сидите рядом с ним! Это ясно?! Командир рваными движениями втягивает в себя воздух. Его нижняя челюсть выплясывает танец.

— Яснее не бывает, — медленно, взвешивая каждое слово и все еще целясь полковнику в голову, отвечает он. — Но Вам известно, что делают с предателями в военное время?

— Сейчас НЕвоенное время, Командир.

Тот снова делает глубокий вдох в попытке обуздать напор.

— Это пока что, — майор грубо кивает, убирает пистолет, разворачивается и вышибает дверь ногой. — Но кому-то пошли козыри, и этот кто-то, сука, — не мы!

Едва спецназовцы скрылись, незримый собеседник встал с места, все еще оставаясь силуэтом, что прячется за лампами.

— К этому утверждению претензий нет, — сухо замечает он.

— Я расскажу все, что знаю, — едва слышно всхлипывает полковник Коваленко, когда фигура проходит мимо него.

— Ничуть не сомневаюсь, — кивает офицер и всаживает Сергею в основание черепа пятисантиметровую иглу.

Красноярск

Таня выходит из душа и с досадой понимает, что вода не смыла плохого настроения: внутри у нее так и скребутся кошки. Весть о гибели Булычева поставила работу и жизнь института на паузу, а ее саму непрощенная грусть заставляет погрузиться в омут давно ушедших лет. Уже в который раз за день. Вдобавок ко всему, в окна настойчиво застучали капли дождя.

Высушив волосы, она достает с полки коробку с фотографиями. Маленький личный склад воспоминаний. Замок притч и отражений, заключенных в саркофаг корпускулярно-волновой теории света. Первое в истории квантовое вол-

шебство, ставшее привычным настолько, что никто даже не задумывается над фразой «сделать фото».

Она не может вспомнить, когда открывала эту коробку в последний раз. Рука, едва пропитанная увлажняющим кремом, смахивает слой пыли, прежде чем поднять крышку. Слегка дрожит от сплава страха и предвкушения. Фотография Семена Артемьевича находится быстро. Таня сделала ее несколько лет назад, когда в институт приезжала столичная аттестационная комиссия. Девушка, стараясь избежать бликов, пляшущих на глянцевой поверхности, наводит камеру смартфона на фотографию. Оцифровка изображения на скорую руку, поскольку оригинал, длинная строка нулей и единиц, пропал где-то между сменой старого телефона на новый. И не отыскать.

Легкий монтаж, превращающий снимок в черно-белый кадр старого кино, грустная музыка, несколько строк текста и плачущих смайликов — и пост для соцсети готов. Та же участь ждет следующее фото, на сей раз совместное. Таня Синицына и Семен Артемьевич пойманы в кадр за дискуссией между какими-то выступлениями. Живые лица, яркие эмоции, красивый момент. Несколько движений пальцами облачают фото в россыпь оттенков серого. Все происходит настолько машинально, что Таня ни на секунду даже не напрягает голову, не задается вопросом, зачем она вообще это делает. Привычка вываливать жизнь в сеть выросла в нее, пустив туго скрученные корни в подкорку. Первые разбитые

сердечки к фотографиям полетели спустя тридцать секунд после публикации, но лишь несколько из них в полной мере отражают истинные эмоции того, кто реакцию оставил — коллеги с института, студенты, друзья...

Друзья, среди которых не найдется никого, кому Таня Сидницына может позвонить и разделить эмоции. Маша вся в сборах перед самолетом. Подруги, что ближе многих, вряд ли ее сейчас поймут, и она не хочет навязываться. Это, размышляет она, в конце концов даже не ее трагедия, а ситуация сродни уходу из жизни какой-нибудь блестящей кинозвезды: грустно до слез, но ничего не попишешь.

Информацию по похоронам сообщат, как только все устанется, а это от Тани никак не зависит. И ее вечер тонет в печали. Реакции на фотографии есть, а просто поговорить — не с кем. На минуту Таня задумывается, что выслушать ее и худо-бедно поддержать может Лешка, но подпускать его близко у нее нет желания. Она не уверена, что готова, после всего, что с ней произошло. И отговаривает себя от звонка целой россыпью причин, надуманных и не очень.

Мог бы еще Егор, раз уж вспомнился. Он всегда мог поддержать и утешить, как-то удачно находил слова. Он бы мог, но...

Она быстро одергивает себя: это давно в прошлом.

Поборов чувство горечи, Таня складывает фотографии обратно, но в глубине коробки она натывается на маленький бежевый альбом. По ее руке опять пробегает мелкая дрожь,

а бледная копия Егора Азарова снова, будто он живой, но плохо скрытый белой вуалью, стоит перед ее глазами. Только на сей раз улыбается искренне.

Снова Егор.

— Что за день такой? — уголки рта Тани дрожат.

Она достает альбом.

Их альбом. Фотографии многих лет радости, что сплели их жизни. Они были одноклассниками, были любовниками. Были друзьями, настоящими друзьями, пока в июне двадцать второго не расстались врагами.

Таня листает фотографии. Касается изображения его лица кончиками пальцев. Тоскует. Маша права: она все еще его любит, и как отпустить — не знает.

Вдруг в самом центре ладони девушка чувствует покалывание. Еще один сжатый пакет воспоминаний, много лет назад загнанный куда-то на десятый план, просится наружу. Маленький секрет Егора: он, чтобы успокоить Таню или просто чтобы подарить капельку тепла и нежности, оставлял ей поцелуй в самом центре ладошки.

Странный знак, но всегда срабатывал безотказно. За это она даже прощала ему жутко обидное «мелкая», адресованное ей. «Ну и что, что на полголовы ниже, — спрашивала она, — я девочка, мне можно!»

Егор так и не признался, как эта штука с поцелуем взбрела ему в голову. Отмахивался, каждый раз придумывая новые истории. Однажды сказал, что давно-давно вычитал в

какой-то детской книжке. Эта версия Тане нравилась больше остальных.

Поцелуй пульсирует в ее ладони, точно живой, появившийся там в едва минувшее мгновение, хотя Синицына знает, что в последний раз он был там оставлен почти двенадцать лет назад. Целая вечность. И за эту вечность жеста более милого и умиротворяющего в ее жизни так и не появилось. Как и другого человека.

Таня снова прокручивает в голове сновидение прошедшей ночи. Спустя миг иллюзия Егора исчезает, и вокруг снова становится пусто.

Меланхолия почти целиком поглощает ее. Сколько времени прошло с того момента, как она взяла в руки альбом, она не знает. Дождь за окном, как и ее слезы, кончился, и бал правит густой туман.

Таня зевает, вытирает глаза и встряхивает голову.

— Что ж за день такой? — вновь спрашивает она у тишины. И не получает ответа.

Объект «Вольфрам-16»

— Когда в последний раз Вы проходили медкомиссию? — безучастно спрашивает человек в камуфляже.

Сергей Коваленко пришел в себя меньше минуты назад и теперь истово борется с каскадами вспышек, заполонившими голову. Болит и гудит абсолютно все. Желудок ноет так,

будто прошел огонь, воду, медные трубы, тупой тесак мясника и сшивание заново.

В помещении воняет помойкой. От этого Сергею становится еще хуже, а его таинственного собеседника — едва ли беспокоит.

Он с трудом оглядывается. И не видит ничего, что дало бы подсказку, где он. Даже окон в помещении нет.

— Чтоб вас...

— Просто отвечайте на вопрос, — повторяет собеседник. Коваленко пытается вспомнить.

— Месяца... два назад, — с трудом выдавливает он.

— Последние полгода Вы чувствовали усталость, переутомление?

— Не больше, чем обычно.

— Головокружения? Помутнения или потери сознания? Вспышки перестают сиять перед глазами праздничной гирляндой, и Сергей может наконец сесть. Успевает почувствовать, как от рубашки смердит, и понять, что вопросы офицера, который до сих пор не счел нужным представиться, его несколько напрягают.

— А в чем проблема?

— Отвечайте на вопрос. Тут в памяти Коваленко оживают недавние события. Видеозаписи прорывают сознание, и происходящее вокруг с болью, скрипом и стоном обретает смысл. Он касается места укола. Потерял сознание когда? День назад? Два дня, или же неделю? Время, проведенное в

бездонной тьме чертогов разума, играет злые шутки.

Сергей морщится и трет глаза.

— Нет, не припомню, — отвечает он. А спустя секунду обращает взгляд на своего мучителя и понимает, что на его форме нет ни погон, ни каких-либо других опознавательных знаков. — Вы чьих будете?

— Тех, с кем видятся всего раз в жизни.

— Ясно, — Сергей крутит головой. Контрразведка. — Я могу вернуться к работе?

— Работа На Вашем месте, Сергей Анатольевич, я бы тщательно обследовал сердце и посетил хорошего невролога. Но, поскольку такая возможность Вам выпадет нескоро...

— В каком смысле? — переспрашивает он, едва скрывая испуг в голосе. — Что со мной?

— Мне не понравилась Ваша реакция на сыворотку правды. Вы полтора часа блевали в полном бреду.— Сыворотку что, простите?

— Сыворотку правды.Коваленко ошарашенно смотрит на собеседника.

— А э... — начинает он, не понимая, что именно хочет знать в первую очередь.

— Вы бы предпочли, чтобы Вам, скажем, иглы под ногти совали?

— Нет, но...

— Острая чувствительность к компонентам сыворотки говорит о наличии... проблем. С сердцем пока ничего серьез-

ного, так, десятилетиями нелеченная гипертония во всей красе. Это не смертельно, но и не слишком приятно. Вам дадут препараты с калием, — он поднимает руку. — Я все понимаю. Служба. Да только годы берут свое без особого на то разрешения.

Офицер встает со стула и направляется к двери.

— Приходите в себя, товарищ полковник.

«Товарищ полковник», — Коваленко хватается за эту фразу, несколько раз повторяет ее про себя.

— Так это все? Я чист?

— Почему, Вы думаете, Вы очнулись? — на лице «врача» не мелькает даже тени улыбки.

Сергей немного успокаивается, ощущая, что мир все еще стабилен, насколько возможно, а он — все еще при своих звездах. Но попытка ответить превращается в бессвязное бормотание.

— Прошу прощения?

— Понял, говорю... Понял, — почти врет Коваленко. — Мне бы воды, если можно.

— Бутылка под кушеткой, — мужчина мельком глядит на часы. — Поесть пока не торопитесь, хотя бы минут сорок надо еще выждать.

— Добро. Так, а президенту доложили о ситуации? Какое-то решение принято?

«Врач» медлит пару секунд и отвечает:

— Ходатайство одобрено. Комендант «Хрустального

Яра» получил все вводные, транспорт прибудет через часа полтора.

Сергей кивает и тянется за бутылкой с водой. Желание сменить рубашку стучит в голове.

— И вот еще что, — контрразведка останавливается в дверях. — Три часа назад французы потеряли в Адриатике один из двух своих кораблей с ядерным оружием. Сценарий примерно как с «Енисеем»: ракеты с борта исчезли, экипаж убит, а само судно затонуло у берегов Хорватии. И подобные донесения звучат и в радиопереговорах стратегических партнеров. Запрашиваем информацию, но, сами понимаете, немногие в таком дерьме сознаются. И правильно сделают.

Рука с бутылкой замирает на полпути.

— Откуда такие подробности, если экипаж убит? Есть какие-то видеозаписи с борта?

— Был бы рад, если бы были, — в голосе слышны ноты расстройства. — Нет, один матрос выжил. Прятался, но потом сумел прыгнуть за борт, когда увидел, как ракету, цитирую, «запихивают в какую-то дыру в пространстве». А потом, с его же слов, в оружейном что-то рвануло.

В тишине слышно, как где-то вдали гудит вентилятор.

— То есть мы атакованы не одни... Или, — полковник Коваленко пытается собрать картинку по кусочкам, но тщетно: голова гудит, будто при тряске поезда, — Вы полагаете...

— Ничего не полагаю. Информировую о диаметре жопы, в которой мы все сейчас застряли. Разведка докладывает еже-

часно и вполне может судить об адекватности донесений. Хотя, по мне, это уже лишнее.

Сергей судорожно думает.

— Где капитан Неделин?

— Неделин? Капит... А, Ваша секретарша?

Рот полковника на секунду дрогнул в улыбке.

— Кажется, еще в медчасти, — человек в камуфляже пожал плечами и подозвал кого-то из офицеров. — Его полиграф током шарахнул.

— Ха-х... — выдыхает Сергей, едва ощущая жалкую пародию сочувствия к капитану, — Ненавижу... Лира, дай мне сюда видеозаписи с корабля.

Помещение озаряет голубая вспышка.

— Вы осознанно пользуетесь ей раз в никогда? — спрашивает контрразведка с мимолетной усмешкой.

— Угу, — говорит полковник. — Никак не могу к ней привыкнуть.

— М. Ну, на этом мой интерес к Вам, Сергей Анатольевич, иссяк, — говорит офицер. И, подумав, добавляет: — Пока что.

**Объект РВСН «119-КР», координаты
засекречены, недалеко от
Красноярска, 8:53 местное**

Межконтинентальную баллистическую ракету «Ахер-

нар», под шквал неуместных шуток и ребяческое издевательство над креативным подходом к выбору названия, установили в пусковой колодец две недели назад. Тогда капитан Забелин наблюдал за этим и душа его пела. Он далеко не злобный человек и его никто таковым не называл, но нельзя поражаться мощи военно-промышленного комплекса и не представлять при этом в мельчайших деталях масштаб и ярость заветного «ба-бах». А этой гиперзвуковой ласточке не нужен даже ядерный заряд: по прилету бабахнет так, что не останется ничего на добрых два-три километра в радиусе. Ничего, даже праха. Капитан жалел лишь о том, что много лет назад, когда его боевой пост находился в Воронеже, таких ракет на вооружении не было. Война кончилась бы гораздо быстрее, а многие, кого он знал лично, были бы живы. Но та история уже написана, и как оно могло бы быть... можно лишь строить догадки.

Потом он прочел в интернете, что такое Ахернар, ярчайшая звезда Эридана. К его удивлению оказалось, что это «плоская» звезда: она вращается с какой-то охренительной скоростью, отчего натурально имеет эллиптическую форму, но при этом недостаточно быстро, чтобы вещество преодолело гравитацию и на всех парах выплеснулось в межзвездное пространство, сметая все на своем пути. Удивительно, но она такая не единственная в известном космосе: есть еще Альтаир, Альфа Орла, но это название такому оружию явно не идет, думал капитан, слишком уж от него песок скрипит

на зубах. Может, какому красивому резному кинжалу и пойдет.

На ракете стоит какой-то весь из себя новейший двигатель, который все вокруг почему-то называли ионным. Капитан Забелин понятия не имел, что это на самом деле означает, но краем уха слышал, что вакуумная камера, в которой тестировались двигатели для космических аппаратов, во время первого запуска расплавилась к чертовой матери, и избежать серьезных последствий удалось только каким-то чудом. Взвесив все это, капитан решил, что название более чем отражает суть изделия, и перестал шутить вместе со всеми.

Спустя какое-то время на объект приехала целая когорта людей в очках, с навороченными компьютерами и прочим барахлом, чтобы провести запуск. Ракета должна была поразить заданную цель на полигоне в Калужской области за символические шесть или семь минут, если эти умники не напортачили в расчетах.

Только сейчас, если все так плохо, как капитан Забелин думает, в живых из них осталось никого. А сам капитан, чтобы не истечь кровью, затыкает дырку от пули в животе пальцем. Спустя какое-то время ему становится немножечко легче, но палец вынимать он не собирается.

«Надо держаться».

На базу совершено нападение. Почти весь персонал снят в упор, никто совершенно не понял, что случилось, пока кто-то из масок сильно не облажался — вот тогда начали стре-

лять.

«Как противник вообще сюда прошел?!»

Забелин чувствует, что он в абсолютной заднице, но, в отличие от многих, жив, пока что жив. А противник явно почувал победу. Вооруженные пистолетами-пулеметами люди, облаченные в черные гидрокombineзоны, ну или, по крайней мере, во что-то на них похожее, вольготно расхаживают по опустевшим и кроваво-красным коридорам базы.

Один из нападающих околачивается неподалеку. В поле зрения. «Гидрокombineзон», — Забелин про себя усмехается. Эта странная ассоциация — вообще единственное, с чем капитан может сравнить одеяние.

То, что капитан жив, противник не замечает.

«Это хорошо, — шепчет про себя Забелин, глядя на него на миллиметр приоткрытым глазом. — Это прекрасно. Теперь подойди поближе, сука».

Он вскользь думает о том, что все происходящее в принципе невозможно, а если возможно, то очень жаль.

«База глубоко засекречена, — мелькает в голове. — Выходит, нас кто-то сдал. Ну, давай, тварь. Подойди. И тебе триндец».

Человек в гидрокombineзоне оглядывается, точно слышит его мысли. Или нет? Или капитан, помутившись рассудком, действительно говорит все это вслух?

«К.. как же, сука, больно. Давай, топай сюда, гнида».

Забелин пытается дотянуться до табельного пистолета в

набедренной кобуре, стараясь скрыть движение и заволакивающую мозги боль. Он слышит речь врага, но не может разобрать ни слова.

«Это не английский... Это какой-то арабский, или таджикский... Хрен знает... Ну ты давай, топай сюда... Разбираться будем потом...»

Едва противник оказывается в зоне досягаемости, Забелин сбивает его резким ударом ноги, выхватывает ствол и, когда плохой парень оказывается на полу, пускает пулю ему в голову. И сжимается в комок от прорезавшего все тело воя в кишках, едва успев заткнуть себе рот рукавом.

«Сука! Мразь!»

Капитан вслушивается в тишину. Выстрел не привел сюда ничью подмогу.

«Б... л... Срань... Гребаная срань, — Забелин пытается отдышаться. — И медотсек отсюда через полбазы, хер знает где. Сука».

Он встает, но это стоит слишком дорого — едва не теряет сознание. Дыра все еще плотно закрыта пальцем. Возможно, капитан выживет.

«Нужно держаться. Ты или никто. ТЫ ИЛИ НИКТО. Думай. Они уже тут, что им надо? Ракеты? Разумеется, здесь неплохой ядерный боезапас. А мне что с того?»

Забелин оглядывается. «Надо добраться до поста наблюдения. Или до пульта управления пуском. Что ближе». Он идет, держа пистолет перед собой.

Или он. Или никто.

Объект «Хрустальный яр», координаты засекречены

Весь полет до криотюрьмы они сидят молча, изредка косясь друг на друга. Иногда один сверлил другого взглядом, не предвещающим ничего хорошего. Сергей не выдерживает звона тишины в ушах, и когда они входят в лифт, решает все же выяснить отношения:

— Ну, — говорит Коваленко профилю спецназовца, — скажите уже. И учтите, Командир, я не...

— Если Вы извинений ждете, — ломая гнев в голосе, обращивается к нему Командир, — то идите на хер, товарищ полковник. При всем уважении.

— А. В этом нет нужды, — спокойно отвечает Коваленко. — Я Вас ни в чем не виню. Сам поступил бы так же.

— Сомневаюсь.

— Имеете основания.

Некоторое время они молчат, получив дозу удовлетворения.

— Телепортация, криогенная тюрьма. Я даже не знал, что такие технологии уже есть в нашем мире, — меняет тему Командир, оглядывая лифт.

— Ну хоть какие-то тайны у нас еще остались.

Лифт пружинкой останавливается, решетка съезжает в

сторону, открывая проход. Навстречу полковнику и майору подходит поджарый седовласый офицер в белом халате и с нетронутой сигаретой в зубах.

— Доброго дня, джентльмены. Владимир Евгеньевич меня звать, я тут, вроде, за главного, — легко говорит комендант криогенной тюрьмы. Он убирает папиросу за ухо, поправляет очки и машет рукой в сторону. — Операционный блок готов, а ваш клиент — в соседнем крыле, это туда и чуть дальше, прошу за мной.

— Немыслимо, — Командир ошарашенно смотрит на ряды капсул, открывшихся его взору. Он ежится от холода. В огромном, слабо освещенном и очень — *очень* — холодном зале, по скромным прикидкам, насчитывается несколько сотен белоснежных гробов. Зрелище пугает и, вместе с тем, завораживает.

— «Впечатляет» — не то слово, как я понимаю? — улыбается Владимир. — По части крионики мы дадим конкурентам десяток, лет форы, а то и не один, хе-хе.

— И много у вас тут народу? — будничным тоном интересуется Коваленко.

— Тысяча сорок два человека находятся в криокапсулах на этом объекте, — без промедления отвечает комендант веселым тоном. — Две трети — военные преступники, вроде вашего товарища, которые еще могут послужить стране, остальные — добровольцы с разными заболеваниями. Ждут, когда медицина совершит революцию в лечении рака, аутиз-

ма, Альцгеймера и прочего дегенеративного дерьма, которое ши-ибко любит пожирать человека изнутри.

— Вы что, оказываете платные услуги населению? — не понимает Сергей.

— Глупости не говорите, товарищ полковник. Здесь случайных людей нет. Большинство из армии и правоохранительных структур — сами бойцы, родственники, дети даже. Может, пара депутатов правительства или их родня, это точно не скажу.

Владимир останавливается, чтобы оглядеть ряд гробов.

— Девять три девять, — чеканит Коваленко.

— Девять три де... А, вот он, — указывает комендант, подойдя почти вплотную к огромной белой капсуле, по виду напоминающей гроб с окошком в том месте, где у человека обычно расположено лицо. Он нажимает на панели несколько кнопок, и на дисплее в левой части конструкции появляется информация. — Полковник Состояние стабильное. До разморозки еще девятнадцать лет и четыре месяца. Авторизация... Измени-ить...

Комендант бросает целую сигарету на пол и растирает ногой.

— Вы это зачем? — недоуменно переспрашивает Коваленко.

— Соскочил недавно, достало до жути, а от заученных движений избавиться не могу. Сила привычки. Что-нибудь видите непривычное?

Тюремщик заканчивает вводить коды доступа, и нижняя часть криокапсулы медленно выдвигается им навстречу: ледяной гроб принимает горизонтальное положение. Из задней стенки выпрыгивают прорезиненные колеса.— Мозг в порядке, повреждений не выявлено.

— М, — полковник Коваленко встряхивает головой и осматривает корпус устройства. — Итак. Что дальше?

— Разморозка займет, — комендант берет новую сигарету, но и ее не закуривает, заложив за ухо, — два-три часа. Еще минимум десять уйдет на процедуры — электро-стимуляция мышц, перезапуск синтеза аденозинтрифосфата¹, глюкокортикостероиды², антибиотики и доза морфия, которая может завалить слона. Потом будет собирать кубики, ловить мяч и завязывать шнурки, чтобы прошло окончательное восстановление когнитивных функций. Видели хоть раз, как проходит реабилитация после инсульта? Тут тот же принцип. С проводами в голове, — он пальцем рисует в воздухе круги, обвивающие его череп, — шутки плохи.

— Понимаю. Ускорение процесса скажем, вдвое, чревато?

— Вынужден уточнить: Вы хотите получить человека или овощ? — Владимир Евгеньевич даже не попытается скрыть усмешку.

Командир отрешенно моргает пару раз и поворачивается куда-то в сторону, скрывая от полковника, что закатил глаза.

Сергей Коваленко и сам не осознает до конца, зачем задал

этот вопрос. Он слетел с его губ сам по себе, на автомате, пережиток тех давних времен, когда время решения любой армейской проблемы было обратно пропорционально количеству занятых проблемой голов. Оттуда же, еще в советское время, появился не самый смешной анекдот про комсомольца, что может сбить одним кирпичом два самолета, и прочая подобная околоромантическая чушь. Но за спрос не берут. По крайней мере — старших по званию. Полковник кивает.

— Повторюсь, глупости Вам не идут, — продолжает комендант, колдуя с панелью управления капсулой времени. — Насколько я знаю, головушка этого парня стоит несколько миллиардов. Вряд ли кому-то нужно, чтобы такие мозги протухли до состояния крайне несвежего помидора, потому что кто-то вдруг вздумал поторопить врачей, — он с укоризной качает головой, а его губы сжимаются в линию, — ц-ц-ц.

— Да, — отмахивается Сергей. — Я уже понял.

— Кто он такой? — спрашивает Командир, кивая на крио-капсулу.

— Тот, кто даст вам костюмы для телепортации, — вздыхает полковник. — По крайней мере, я на это очень надеюсь.

— Ученый, значит.

Сергей Коваленко обреченно вздыхает.

— Он создал «Ласточек». Построил первый прототип «Северного сияния». Он гений, Командир. А еще первоклассный взрывотехник и сапер. Получил Героя России за СВО.

Эта характеристика невольно заставляет Командира выпрямить спину и проникнуться уважением.

— Научой он занялся плотно уже после ранения.

— А здесь как оказался? По лицу полковника пробегает, резко тормозя на впадинах, гримаса боли.

— Я его сюда отправил, — его голос дрожит. — За смерть д-двадцати пяти человек.

Теперь Командир смотрит на полковника Коваленко другими глазами. Все его претензии вдруг куда-то испарились.

— Мы все теряли людей, — продолжает Сергей. — Я потерял достаточно. И если Вы наивно думаете, что мне на это наплевать, то идите-ка нахер сами.

— Боюсь, что не пойду, — скалит зубы майор. — Слишком крови этих уродов жажду.

— Тогда добро пожаловать и не делайте мне мозги.

Комендант глядит на них с ухмылкой. Закончив с терминалом капсулы, он снимает с пояса радиостанцию и нажимает кнопку передачи:

— Общий сбор. Повторяю, общий сбор.

Двое сотрудников криотюрьмы появляются будто из ниоткуда, берут и катят груз в сторону лифта к операционному блоку. Офицеры и комендант, чуть помедлив, следуют за ними. Полутьма озаряется красными переливами сигнальных маяков.

— Запущен процесс разморозки, — оповещает тюрьму женский голос из громкоговорителей. — Медицинско-

му персоналу явиться в операционный блок. Медицинскому персоналу явиться в операционный блок.

Красноярск, Аэропорт

Мир полон предрассудков и глупых примет, так или иначе влияющих на человеческое сознание. Иногда критически необходимо порвать в клочья завесу этих ложных установок, чтобы они не мешали жить. Но по странной прихоти эволюции люди практически не в состоянии этого сделать: большей части важно оставлять в себе веру в нечто за гранью логики и здравого смысла. Планета — слишком сложная программа, и все переменные учесть не получится, как ты ни старайся и бери хоть все собранные квантовые компьютеры. Вот и выходит, что случайности и глупые совпадения могут спасти человека. Или сломать его в десяти местах.

Маша Синицына сидит в кресле самолета и что есть воображения желает утопить мир в огне. Разогреть его до ста девяноста миллионов градусов и посмотреть, как из этой бури родится новая жизнь. Та, что не терпит глупостей и пресекает любые попытки их появления.

Она жалеет о разговоре с Таней про свою теорию дискретных пучков удачи. Вселенная будто почуяла открытую рану, и космический аналог лейкоцитов стройным роем рванул штопать прореху, по дороге искривляя все вокруг, выворачивая наизнанку, точно гравитационный колодец, или как

там говорила Таня? Неприятности попадали на голову, как с конвейера, и продолжают свой крестовый поход, не иначе лимит везения Маши действительно мертво встал на нуле и, по заветам старшей сестры, не собирается подниматься еще долгое время.

Прокручивая в памяти события прошедшего дня, Маша понимает, что все начало рушиться сразу, как она вышла из кафе. После новости о смерти коллеги шопинг Таню не взбодрил бы никоим образом, и потому сестра вежливо отказалась. Спустя полчаса посреди города Машу застал ледяной дождь, а в торговом центре глаз так ни на что и не упал. С горем пополам она добралась домой и, стоило только успокоиться и задремать, — котлеты сгорели и превратились в угли.

И так далее.

Ранним утром на таможне спутали документы и устроили им с Денисом незабываемые полчаса поисков физических доказательств отсутствия долгов перед государством. Когда этот серьезный и, казалось, последний конфуз был улажен, Маша с ужасом обнаружила, что Денис купил билеты на тринадцатый ряд.

В какой-то момент она на полном серьезе молит о чуде. Девушка вдруг осознает, что уже минут десять, со всей силы сжав руку Дениса, не может оторвать глаз от крыла воздушного судна.

— Тринадцать — плохая цифра, — говорит она. —

Несчастливая.

— Успокойся, кис, — ласково шепчет Денис и легко целует ее в макушку. — Мы через несколько часов будем в раю, и ты забудешь про все эти мелочи, как про страшный сон.

Она кивает, чувствуя его ровное дыхание. Ее избранник спокоен и сдержан. Он всегда спокоен и сдержан.

— Эй, — внезапно громом проносится над головами.

Помолвленные поворачиваются на грузного мужчину, нависшего над ними тучей.

— Это мое место. Уходите.

В голове взрывается сверхновая. Маша из последних сил старается, но все же не может сдержать слез. И еще сильнее сжимает руку будущего мужа.

— Нет, не Ваше, — сохраняя спокойствие, отвечает Денис.

Объект РВСН «119-КР»

Забелин устраняет еще троих, прежде чем падает и оказывается не в силах встать. К тому же вдруг оказалось, что перезаряжать обойму табельного пистолета одной рукой не очень просто. Капитан пытается думать, но выходит скверно. Ни одной светлой мысли в голову не приходит. По дороге он наткнулся на труп кого-то из своих, кого не знал лично.

«Старлей...»

При лейтенанте ручная радиостанция. Капитан Забелин

с трудом дотягивается до нее, щелкает кнопками и понимает, что толку от нее ноль — только белый шум и тишина в эфире.

«Буду болтать, — думает капитан. — У нас же все равно все пишется, а? В черный ящик или типа того?»

Он прикинул шансы на победу и горько усмехнулся.

«Так себе».

Перед глазами то и дело рисуется бледная пелена. Он умирает. Это неважно. Оно и к лучшему. Капитану не нужно долго жить. Ему нужно всего лишь несколько секунд, несколько очень долгих секунд, лишь бы добраться до пульта управления. И тогда все пойдет на лад.

«Ну, более или менее».

У него получается сесть. Капитан вслушивается в тишину. После — оглядывает труп врага. Снимает с него угольно-черную балаклаву и осматривает лицо.

«Нихрена. Все стало еще более непонятно».

Владелец лица — южанин. Ничего конкретнее сказать капитан не может. «Очень обнадеживает».

С трудом, но все же он встает.

«Порядок. Есть. Иду. Стараюсь идти».

Через лестничный пролет он, успевая поблагодарить господа Фортуна, оказывается в рубке управления. Пять трупов. Никаких следов борьбы или попыток остановить врага. Они даже не поняли, откуда прилетело.

— Мать твою...

Знакомые лица. Два офицера и один очкарик в халате, что успел примелькаться.

Капитана ослепляет красным светом. Он чуть поднимает руку и щурится. Приходит в себя, отшатнувшись назад к переборке. На центральном экране рубки гигантскими красными буквами мерцает предупреждение: «Посторонние в пусковом колодце». Капитан медлит секунду, потом нажимает на клавиатуре несколько кнопок, и на соседнем мониторе открывается вид с камеры наблюдения. Забелин замирает в недоумении.

— Какого хера они столпились в желобе дефлектора?.. — спрашивает он у пустоты, тупо наблюдая на экране монитора, как почти десять человек в черных обтягивающих костюмах смотрят прямо в сопло «Ахернара» и будто бы восторженно жестикулируют.

Через экран он наблюдает за врагом какое-то время. Вооруженные просто стоят в огневом желобе. Ничего не делают. Не ставят заряды взрывчатки, не пытаются разобраться. Просто стоят и треплются.

Капитан Забелин ни черта не понимает. Но тут он вдруг злорадно улыбается:

— Дегенераты...

Он собирает остатки сил на последний рывок. Чувствует, что ему осталось недолго, но нужно многое сделать. Нужно. Или он, или никто. Капитан давит кнопки. Подключается к блоку управления ракеты. На пару секунд замирает, не ве-

ря глазам, — все работает. Оглядывается и находит связку ключей у сослуживца на поясе.

— Прости, — просит он. — Мне надо поджечь несколько идиотов. Что они забыли в дефлекторе...

Дает себе короткую передышку.

Вставляет ключ, поворачивает.

Предупреждение на экране сменяется другим: «Механизм колодца поврежден».

— Да насрать...

Ключ повернут до упора. Офицер открывает крышку над красной кнопкой, и вся база озаряется воем сирены.

— ВНИМАНИЕ! ПУСКОВОЙ КОЛОДЕЦ ПОВРЕЖДЕН. ОПАСНОСТЬ, — рвет все вокруг стальной голос. — ВНИМАНИЕ! ПУСКОВОЙ КОЛОДЕЦ ПОВРЕЖДЕН. ОТМЕНИТЕ ЗАПУСК.

— Ага, сейчас же! — почти кричит капитан.

На мониторе видно, что цель начинает суетиться, но бежать почему-то не рвется.

«Ничего. Все хорошо. Еще всего две секунды, еще две маленьких секунды, прошу»

Внезапный удар по позвоночнику сбивает его с ног. Он теряет сознание.

Аэропорт

— Молодой человек, вставайте! — повышает голос муж-

чина. — Вот мой билет! Место 13Е — МОЕ!

— Вы ошибаетесь.

— А ну вставай, сопляк! Хамить он мне еще вздумал! Мамаше своей хамить будешь, а сейчас — проваливай!

— Я повторяю, — Денис не повел бровью, — Вы ошибаетесь. 13Е — мое место. Вам стоит поучиться нормально разговаривать.

— Нет, вы только посмотрите на него! Мерзавец! Никакого уважения к старшим!

Маше все это вконец надоедает, и в ней вместо бессилия начинает кипеть злость. Чего не было, так это какого-то страха. Она всегда чувствует себя рядом с Денисом, как за каменной стеной. Знает, что его практически невозможно вывести из себя. Он всегда невозмутим и последователен. И, черт бы побрал, ей самой этого так не хватает. Она желает, неистово и тщетно желает быть такой же непрошибаемой, словно скала.

Она злится на все вокруг, но не боится.

Объект РВСН «119-КР»

Забелина хватают под руки и резким движением поднимают на ноги. Палец с едва слышным звуком выскакивает из раны, и из нее начинает литься кровь. Через секунду капитан, с титаническим трудом собрав себя в кулак, открывает глаза. И чувствует лезвие на горле. Человек, что стоит перед

ним, снимает маску и, ухмыляясь, смотрит капитану в глаза.

«Пульт за спиной. Хер я тебе сдамся. Убей. Убей или вам всем конец».

— Ты служишь ложному богу, — давится южанин неожиданно сносным русским.

«Тысячу раз репетировал, не иначе», — проносится в голове.

— Я служу Российской Федерации, мразь.

Капитан улыбается и плюет человеку в лицо. Мгновения замешательства хватает на маневр: он выбивает руку с ножом в сторону от себя, успевает резко развернуться к пульта и впечатывает кулак в красную кнопку.

Крысы в колодце взбесились: бегут не разбирая дороги, сбивают друг друга с ног и зачем-то разряжают автоматные очереди в сопло ракеты, точно считая, что она остановится, как раненый зверь. Но ее ответ «нет».

Мир вокруг капитана меркнет от удара по голове.

Спустя секунду нападавших в рубке уже нет.

Как и в желобе дефлектора. Ионный двигатель «Ахернара» обращает противника в бегство и ядерную пыль.

Аэропорт

— Я не вижу смысла уважать кого-то, кто начал разговор, наплевав на элементарные нормы приличия. А сейчас, — Денис тянется свободной от давления будущей супруги

левой рукой вверх и нажимает на маленькую кнопку рядом с воздушным клапаном, — я вызову бортпроводника. Будем разбираться.

Мужчина багровеет, нервно делает полшага в сторону и собирается пролаять очередную гневную тираду, но что-то в этот момент изменяется. Воздух наполняется озоном, точно перед грозой, а затем яркая вспышка прорезает тоннель сквозь самолет.

Маша, ослепленная, часто-часто моргает. Когда она может, наконец, открыть глаза целиком, то обнаруживает, что потолок исчез, а салон самолета заливают яркое солнце. Она крутит головой и видит зияющую дыру, идущую по диагональной линии от края до края борта. Корпус будто прошила пуля размером с цистерну. И не просто прошила, а выжгла начисто, не оставив ничего.

Пылает жар, словно ад разверзся прямо посреди борта. Девушка горит, как рядом с раскаленной печью. На обожженной коже проступает щиплющий пот. Воздух горячий, будто до предела или чуть холоднее поверхности солнца.

Толстяк, что хотел продолжать конфликт, разрезан пополам. Его левая половина исчезла, а правая рухнула навзничь, заливая все вокруг кровью. Что стало с теми, кто оказался на пути вспышки, девушка даже не задумалась. Она, едва дыша, вдруг осознала, что она-то жива. Вспышка чудом не задела Машу.

Если температура и падает, то падает медленно. Вокруг

до сих пор все раскалено.

На ногах Маши Синицыной проступают волдыри, только она их не чувствует. Медленно переводит глаза на жениха. Левая кисть Дениса, та, которой он тянулся до кнопки, и часть предплечья — испарились. Вместо них красуется спекшийся обрубок, из которого, как в замедленной съемке, хлещет тонкий алый водопад. Как если бы опустил руку в кипящую сталь.

Маша визжит во весь голос, все еще не замечая ожогов на своих ногах и лице. И лице Дениса.

И тут воздух заполняет стрекот выстрелов.

Из ниоткуда, посреди пустого пространства, начинают появляться вооруженные люди в каких-то странных костюмах, похожих на водолазные. Их сложно даже толком разглядеть — они материализуются буквально на секунду, а то и меньше, и так же исчезают. Только что он был, а сейчас его нет, исчез в коротком бело-оранжевом всплеске всплеске чего? Кажется, будто это глюки, но автоматные очереди слишком сильно режут слух, а пули слишком отчетливо звенят, вгрызаясь в корпус самолета.

Маша слышит позади себя крики.

Металл авиалайнера стонет и рвется.

От поверхностей веет если не жерлом вулкана, то теплом.

Денис застыл, как каменное изваяние, ни на мгновение не пошевелившись и не издав ни звука.

Внезапно мир останавливается: девушка чувствует пыла-

ющую резь чуть ниже живота.

Становится тихо. Словно и не было ничего. Где-то вдалеке, окруженные плотным кольцом ваты, звучат голоса, крики, стоны, снова крики.

Синицына расстегивает ремень безопасности и откидывает металлическую бляшку в сторону. На одном из ремней прорезана небольшая дыра. Маша прижимает трясущиеся руки к животу. Не ощущает собственный крик. Не слышит больше ничего. Боль схлопывает ее вселенную в одну-единственную точку, испарив все вокруг. Девушка видит, как ее платье густо краснеет, а руки выпачканы кровью.

Скрежет металла разрывает воздух. Машу и Дениса начинает клонить вправо, а горизонт, напротив, плывет куда-то вниз. Еще несколько бесконечных секунд девушка видит голубое небо и нечеткое мельтешение деталей по краям глаз. Чувствует, как ее раздирает изнутри. Потом падение. И через миг — удар и краткий, парализующий всплеск — все нервные окончания вскрикнули в агонии.

Дальше — только тьма.

А за нею рождается свет.

Белый свет в конце длинного тоннеля.

**Институт физики высоких энергий
СО РАН им. С. В. Козловой**

Таня входит в кабинет, но нет ни привычных приветствий,

ни возгласов восхищения внешним видом девушки. Странно, но даже похороны никто не обсуждает. Коллеги и начальник, уставившись в монитор, оживленно спорят.

— Я т

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.